РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. ІЮЛЬ. 1898 годъ.

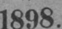
7–9

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Татьяны Борисовны Потемкиной Грав. И Хельмицкій.

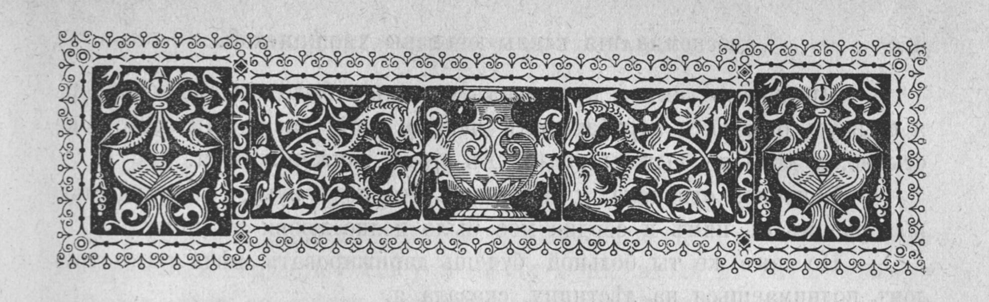

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайш утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.

1898.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1898 г.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XVIII [1]).

Концертъ, данный отцомъ въ Дворянскомъ собраніи.—Лѣто, проведенное въ Святыхъ горахъ у бабушки Т. Б. Потемкиной.

Въ описываемую мной зиму 1868 года, отецъ мой часто бывалъ въ Петербургѣ и давалъ концерты, которые доставляли ему средства къ жизни. Первый его концертъ, который собиралась я слушать и ожидала съ нетерпѣніемъ, былъ уже назначенъ, но по болѣзни его отложенъ.

— Надѣюсь, что бабушка отпуститъ тебя на мой концертъ, сказалъ отецъ, хотя я слышалъ мнѣніе нѣкоторыхъ родственниковъ, что мнѣ, родовитому князю, неприлично выходить на эстраду, а тебѣ, какъ дочери моей, даже непристойно быть въ моемъ концертѣ; надѣюсь, что ты не раздѣляешь этихъ взглядовъ!

— О! конечно нѣтъ! отвѣтила я,—и жду не дождусь, когда увижу тебя на эстрадѣ.

Всего я не умѣла и не могла ему высказать, что чувствовала въ ту минуту; я могла и умѣла только горячо обнять и поцѣловать его. Онъ понялъ меня,—его глаза наполнились слезами, немного погодя онъ сказалъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь, 1898 г.

— Проживать какъ я проживалъ состояніе было стыдно, и теперь я стыжусь былого, а зарабатывать честно свой насущный хлѣбъ не стыдно, и дѣти не должны видѣть въ этомъ униженія отца.

— Конечно! отвѣчала я и, взявъ его подъ руку, съ гордостью шла рядомъ съ нимъ и сердце мое было полно любви къ нему.

— Но какъ же ты больной будешь дирижировать, вѣдь ты съ трудомъ поднимаешься на лѣстницу, сказала я.

— Что дѣлать, немного силы воли и съ недугами можно справиться; я не на смертномъ одрѣ, а концерта откладывать еще нельзя.

Бабушки не было дома. Когда она вернулась, онъ пошелъ на ея половину. Бабушка всегда встрѣчала отца моего ласково, но смотрѣла на него, какъ смотрятъ на балованнаго, но милаго ребенка, опасаясь всегда, какъ бы этотъ баловникъ не выкинулъ какую-либо шалость, и въ этотъ разъ бабушка особенно тревожно встрѣтила его. Отецъ мой, поцѣловавъ ея руку и сверкнувъ глазами (это всегда было, когда онъ волновался или сердился) сказалъ: «J'ai à vous parler ma tante» [1]) обращаясь же ко мнѣ: «Hélène! vous pouvez aller dans votre chambre» [2]).

Испуганно я уходила, ожидая грозы. Гроза незамедлила... Отецъ что то очень громко говорилъ, сердился, спорилъ, но до моей комнаты долеталъ только шумъ; понять я ничего не могла, но была въ страшномъ волненіи.

— Позовите княжну! услышала я голосъ бабушки.

Ни жива.... ни мертва.... входила я въ ея кабинетъ. Отецъ при видѣ меня сталъ стихать. Неудовольствіе его было по слѣдующему поводу: поѣхалъ онъ (но не одинъ) въ свое родовое имѣніе Салтыки, которое было въ опекѣ; опекунъ же черезъ полицію попросилъ его удалиться оттуда. Это было, конечно болѣе чѣмъ неделикатно и не могло не взбѣсить отца, тѣмъ болѣе, что онъ предполагалъ, что это было сдѣлано по желанію моей матери, но мать была непричастна этому.

Вообще бываетъ такъ: если виновнаго оскорбляютъ, то онъ уже не чувствуетъ себя виноватымъ и его виновность въ глазахъ его умаляется. Отецъ же говорилъ: «да, я виноватъ передъ женой и дѣтьми,—я долженъ нести кару. Богъ мнѣ ее посылаетъ,—я прощаю!» Это была послѣдняя непріятность, послѣднее недоразумѣніе между имъ и матерью. Чрезъ три года, отецъ отдалъ намъ все, что имѣлъ: Салтыки, въ которыхъ оставалось полторы тысячи десятинъ земли, и базарную площадь, приносившую десять тысячъ ежегоднаго дохода. Евгеній, братъ, отказался отъ своей части— и мы, три сестры, были владѣтельницами оставшагося состоянія отца при его жизни.

---

[1]) Мнѣ надо поговорить съ вами, тетушка.

[2]) Елена, вы можете идти въ вашу комнату.

Наконецъ пришелъ желанный, ожидаемый день: вечеромъ съ графиней Б—вой и ея дочерью я ѣду въ концертъ моего отца.

Съ волненіемъ подъѣзжали мы къ Дворянскому собранію, заражая другъ друга нетерпѣніемъ скорѣе услышать то, что обѣщала намъ афиша, которой я заранѣе запаслась. Какое то необыкновенно радостное чувство съ примѣсью гордости было у меня на душѣ; входя въ залъ, чѣмъ-то роднымъ, чѣмъ-то своимъ все мнѣ казалось, и чудилось даже, что вся эта громадная публика и меня должна знать, или по крайней мѣрѣ догадываться, что я дочь князя Юрія Голицына, который сейчасъ долженъ выйти на эстраду съ своей магической палочкой, и я, пробираясь къ своему мѣсту, гордо поднимала свою голову....

Публика восторженно встрѣчала князя-артиста, выступавшаго на эстраду и гордо окидывавшаго своимъ взглядомъ кругомъ себя. Взглядъ его упалъ и на меня... онъ ласково улыбнулся и, поднявъ свою руку, далъ знакъ оркестру. Въ публикѣ сдѣлалась тишина, оркестръ, какъ одинъ инструментъ, заигралъ. Исполнялся «похоронный маршъ Шопена», послѣ этого исполнено было много русскихъ народныхъ пѣсенъ хоромъ, которымъ также дирижировалъ мой отецъ, и тутъ онъ былъ совсѣмъ въ своей сферѣ: народные звуки и хоръ, это было его дѣтище.

Наканунѣ одного изъ его концертовъ въ 1869 г., 13-го февраля, въ которомъ участвовали г-жи Лавровская, Платонова, Леонова, Петровъ, Власовъ и Гордѣевъ, у него такъ разболѣлись ноги, что на концертъ его внесли на носилкахъ, и онъ дирижировалъ сидя; когда же оркестръ подъ его управленіемъ исполнялъ «камаринскую Глинки», онъ не вытерпѣлъ, русская душа проснулась, забылъ онъ болѣзни свои и всталъ. Три раза публика заставила повторить «камаринскую»—такъ чудно была она исполнена.

Возвращаюсь къ своему разсказу. Въ антрактахъ одинъ изъ знакомыхъ отца моего передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ о немъ.

— Вашъ батюшка, какъ вы знаете, княжна, шутникъ и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Такъ однажды князь, находясь въ Петербургѣ, отправился въ итальянскую оперу послушать пріѣхавшую знаменитость, Бозіо или Маріо, не помню. Около него сѣлъ также какой-то любитель пѣнія, но любитель своеобразный: онъ все время подпѣвалъ пѣвцамъ и довольно громко; конечно онъ этимъ мѣшалъ слушать и сильно сердилъ князя. Когда занавѣсь опустилась и театръ наполнился громомъ аплодисментовъ, вашъ батюшка началъ свистать. Сосѣдъ его, диллетантъ, съ негодованіемъ и изумленіемъ посмотрѣлъ на князя, сказавъ: «милостивый государь! какъ возможно свистать подобной европейской знаменитости?!... Это вандализмъ!» горячился онъ. Да помилуйте, отвѣтилъ ему князь, какъ же мнѣ не свистать называемой вами знаменитости,

когда она мѣшала мнѣ васъ слушать!... Любитель примолкъ и больше не подпѣвалъ.

Въ маѣ, вмѣстѣ съ братомъ я оставила Петербургъ и отправилась въ Огарево. Я везла съ собой приглашеніе бабушки всему нашему семейству провести лѣто въ Святыхъ горахъ. Мать сказала, что не можетъ ѣхать, такъ какъ у нея большія передѣлки въ домѣ; сестра Соня отказалась ѣхать, чтобы не оставлять маму одну и поѣхала сестра Таня, Катенька и я.—Путь былъ очень длинный—считали около 1.500 верстъ—и утомительный въ жаркіе лѣтніе дни. Наконецъ мы добрались до Святогорскихъ лѣсовъ. Это было рано утромъ, и дорога всѣ дѣлалась красивѣе, а когда мы выѣхали изъ лѣса и подъѣхали къ Донцу, картина была величественная! На той сторонѣ рѣки, въ горахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, поднималась громадная причудливой формы мѣловая скала, на которой ютилась небольшая церковь во имя Св. Николая; выше этой скалы выдѣлялась на голубомъ фонѣ неба красивой архитектуры церковь Вознесенія; у подошвы этихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, у берега Донца расположенъ монастырь и посреди его стѣнъ красовался великолѣпнѣйшій соборъ, только что отстроенный, но еще не освященный, и вся эта картина отражалась въ спокойныхъ и чистыхъ водахъ Донца. На лѣвой сторонѣ отъ моста, на который мы съ грохотомъ въѣзжали, на одной изъ высокихъ горъ мы увидѣли и домъ дорогой нашей бабушки, также окруженный зеленью и чудными пирамидальными тополями, картинно выдѣляющимися своею стройностью и вышиной. Однимъ словомъ, картина Святыхъ горъ такъ хороша, что можно смѣло повторить всѣмъ бабушкины слова: «Придите и посмотрите на творенія Божіи и воздайте хвалу Его святому имени».

Дорога къ дому шла у самыхъ стѣнъ монастыря и захватывала набережную рѣки, гдѣ много сидѣло, стояло и шло богомольцевъ. Потомъ повернули мы довольно круто налѣво и поѣхали вверхъ по рѣкѣ; дорога шла аллеей; направо и налѣво былъ густой лѣсъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно, спеціально прорубленный къ сторонѣ рѣки, чтобы открыть чудный видъ на Донецъ и его окрестности по ту сторону.

Радость свиданія съ бабушкой и радость въѣзжать въ такой благословенный край, видѣть такую красоту природы, заставляло сердце мое биться сильнѣе; а когда подъѣзжали мы къ подъѣзду и стукъ нашихъ экипажей и топотъ копытъ дѣлался сильнѣе и звучнѣе,—я еле сидѣла; такъ хотѣлось мнѣ выпрыгнуть изъ экипажа поскорѣе.

— Наконецъ то пріѣхали дѣти! услышали мы голосъ бабушки, которая спускалась къ намъ на встрѣчу съ лѣстницы, поддерживаемая лакеемъ.

Наверху лѣстницы встрѣтила насъ большая компанія пріѣхавшихъ изъ Петербурга съ бабушкой на лѣто въ Св. Горы. Я не могла еще

никого толкомъ разглядѣть, такъ какъ голова у меня кружилась отъ нашей дальней дороги и отъ радости, что наконецъ то пріѣхали, и отъ счастья видѣть бабушку.

— Ну дѣтки, идите въ приготовленныя вамъ комнаты, сказала бабушка, одѣньтесь, пейте чай, а я пока съѣзжу къ обѣднѣ.

Она уѣхала, а насъ повели въ наши аппатартаменты. Изъ нашихъ оконъ былъ виденъ весь монастырь. Я полюбовалась еще нѣсколько секундъ красотой окружающей природы и мигомъ стала сбрасывать съ себя дорожное, пыльное платье и спѣшила одѣваться, чтобъ идти пить чай со всей компаніей, ожидавшей насъ. Я застала все общество въ залѣ за чайнымъ столомъ; оно состояло изъ женскаго персонала и только одинъ старичекъ, домашній докторъ бабушки, французъ Патенотръ, замѣшался между дамами.

Дверь на террасу была открыта настежь, когда я вошла, и все тотъ же видъ на мѣловую скалу, рѣчку и монастырь открывался чудной понорамой. Благовѣстили къ «достойной». Черезъ нѣсколько времени услышали мы стукъ экипажа, и въ залъ вошла бабушка и усѣлась съ нами за столъ на свое мѣсто. Она сказала мнѣ, что ожидаетъ скораго пріѣзда бабушекъ: княгини Вѣры Ѳедоровны Голицыной и княгини Александры Борисовны Мещерской (ея сестры) съ племянникомъ Гончаровымъ и сожалѣла о томъ, что моя мать не могла оставить дѣла свои и хозяйство.

На другой день нашего пріѣзда, съ первымъ ударомъ монастырскаго колокола къ обѣднѣ лошади были поданы къ подъѣзду, и мы спѣшили надѣвать шляпы, чтобы не заставить себя ждать. Четверикъ бѣлыхъ лошадей, запряженный цугомъ въ карету, стоялъ впереди остальныхъ двухъ экипажей. Спускаясь съ лѣстницы бабушка взяла меня за руку и сказала: «ты садись со мной!» а когда мы отъѣхали, она, взглянувъ въ открытое окно кареты, сказала: «N'est ce pas que c'est beau Св. Горы et je remercie Dieu de pouvoir jouir encore de ce sejour [1]). Когда мы подъѣзжали къ монастырю, народъ толпой шелъ въ церковь и, увидавъ бабушку, всѣ низко ей кланялись; на всѣхъ лицахъ была видна любовь къ ней, а ея добрыя глаза такъ ласково смотрѣли на этотъ сѣрый людъ, пришедшій за нѣсколько десятковъ верстъ помолиться въ Святыя Горы; и она также любила ихъ, любила вѣру ихъ въ Бога, не мудрую, но крѣпкую, непоколебимую. «Блажени нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное», говорила она, глядя на богомольцевъ.

Служба въ монастырѣ и пѣніе были очень хорошія, порядокъ примѣрный; монахи держали себя скромно, не выходили изъ церкви, не

---

[1]) Не правда ли, какъ хороши Св. Горы? И я благодарю Бога, что могу еще наслаждаться своимъ пребываніемъ здѣсь.

смѣялись на клиросахъ, не выглядывали на молящихся, что къ несчастью часто замѣчается въ нѣкоторыхъ монастыряхъ; одѣты были всѣ чисто; однимъ словомъ, ничто не шокировало, не нарушало общаго впечатлѣнія и ничто не мѣшало молиться. Архимандритъ, отецъ Германъ, былъ настоятелемъ монастыря; онъ въ высшей степени строгой жизни и хорошій монахъ, поэтому могъ требовать того же и отъ младшей братіи обители. Онъ былъ умнымъ настоятелемъ и прекраснымъ хозяиномъ: дѣятельнымъ, заботливымъ, неутомимымъ какъ въ духовныхъ дѣлахъ своихъ такъ и въ хозяйственныхъ. Архимандритъ Германъ никогда не принималъ у себя дамъ, исключая бабушки Потемкиной и тѣхъ только, кто съ нею пріѣзжалъ къ нему; такъ и остальные монахи не имѣли права принимать у себя въ кельяхъ гостей женскаго пола. Роста онъ былъ маленькаго, худенькій, но голосъ у него былъ большой, звучный, задушевный баритонъ, и служилъ онъ превосходно; въ особенности любила я, когда онъ служилъ панихиды.

Послѣ обѣдни поѣхали мы на кладбище поклониться могиламъ родственниковъ, которые похоронены тамъ въ церкви Антонія и Ѳеодосія; тамъ есть и ходъ въ пещеры. Вотъ въ этой церкви бабушка желала быть похороненной и показывала мѣсто, которое она назначила себѣ подъ образомъ Маріи Магдалины, когда Спаситель по воскресеніи явился ей. Я всегда горько плакала, когда бабушка указывала мнѣ мѣсто, гдѣ будетъ лежать, но Господь судилъ иначе: не пришлось ей умирать въ Св. Горахъ и не пришлось быть даже похороненной тамъ.

Возвращаясь домой бабушка разсказала мнѣ анекдотъ объ отцѣ въ слѣдующихъ словахъ: ѣхала я здѣсь же, въ Св. Горахъ, съ твоимъ отцомъ, къ обѣднѣ, въ этой же каретѣ.—Когда онъ сѣлъ со мною, я сказала ему: какой ты толстый Юрка, и какъ не удобно съ тобой сидѣть!

— Погодите, тетушка,— отвѣтилъ онъ мнѣ,— когда будемъ возвращаться отъ обѣдни, вамъ будетъ просторно и удобно.

— Почему? — спросила я.

— А потому, продолжалъ твой отецъ,—что мы «животъ Богу предадимъ». — Вотъ какой онъ находчивый и какой каламбуристъ!..—сказала она.

Жизнь наша текла тихо, смирно, однообразно, по-монастырски. О свѣтскихъ удовольствіяхъ забыли какъ-то думать; да оно и не могло быть иначе, такъ какъ близость монастыря, частый звонъ колокола, призывавшій на молитву, образъ мыслей бабушки, которая царила надъ нами и никто не мѣшалъ ей простирать свое благотворное вліяніе на тѣхъ, кто хотѣлъ ее слушать, не позволяло даже помыслить о свѣтскихъ удовольствіяхъ.

Развлеченія наши были: катанье на лодкѣ, въ экипажахъ, верхомъ

и прогулки пѣшкомъ. Сосѣдей было мало, а молодежи никакой. Когда бабушка княгиня Мещерская пріѣхала съ А. И. Гончаровымъ, наше многочисленное общество дамъ воспрянуло! Онъ былъ такой умный, интересный собесѣдникъ, но такъ какъ онъ былъ единственный, ему трудно было успѣвать быть любезнымъ со всѣми, вслѣдствіе этого онъ нажилъ себѣ враговъ, и въ нашемъ, доселѣ мирномъ, уединеніи, зародились сплетни. А тутъ еще я затѣяла кататься съ нимъ верхомъ, и это подало поводъ говорить о томъ, что я влюбилась въ Гончарова, а онъ въ меня. Но ни съ той, ни съ другой стороны чувства этого не было; намъ весело было вмѣстѣ разговаривать, кататься, заниматься музыкой, и отношенія наши были просто дружескія.

Бабушка Мещерская была очень некрасива, но родовитость, высокій ростъ и умное выраженіе глазъ сглаживали ея дурноту. Одѣвалась она всегда въ бѣлое легкое платье, на голову надѣвала бѣлый чепецъ, а сверхъ него тюлевый шарфъ, на плечи накидывала пунцовый крепоновый длинный шарфъ, какъ носили ихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Вообще видъ у нея былъ очень аристократичный, но около моей дорогой бабушки она все-таки теряла, хотя можно было угадать, что онѣ сестры. Доброта и великодушіе, присущія ихъ семьѣ и у нея была, но въ привязанностяхъ она была непостоянна, и имѣя горячее сердце и вспыльчивый нравъ, она или обожала или ненавидѣла. Вотъ, гдѣ была громадная разница между сестрами. Татьянѣ Борисовнѣ чувство ненависти или мести совершенно не было знакомо; любовь, великодушіе, ровность въ поступкахъ и въ обхожденіи съ людьми не покидали ее, тогда какъ Александра Борисовна имъ иногда измѣняла и рядомъ съ великодушными поступками бывали и странныя, заставляющія сомнѣваться въ ея добромъ сердцѣ, которое у нея отнять все-таки нельзя было.

Таня съ Катенькой недолго насладились святогорской жизнью, такъ какъ первой пора было начинать ванны, и бабушка Потемкина отвезла ихъ въ Славянскъ и устроила въ своемъ домѣ, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ соленыхъ озеръ и ваннъ. Славянскъ тогда представлялъ очень мало интереса, какъ общественное мѣстопребываніе, и удобствъ никакихъ: пески непролазные, жара страшная, отъ которой и скрыться было негдѣ, такъ какъ садъ только разводился; пріѣзжіе больные помѣщались просто въ хатахъ, извозчиковъ было мало и большая часть публики приходила купаться по образу пѣшаго хожденія. Лучшій домъ во всемъ Славянскѣ былъ Потемкиныхъ, гдѣ жила Таня, при этомъ домѣ были флигеля, гдѣ помѣщались разные больные на счетъ бабушки, и разбитъ былъ еще молодой садъ. Самый городъ, а слѣдовательно и церкви были довольно далеко отъ дома; всѣ старушки, а также и Катенька съ Таней тосковали безъ службы. Бабушка не замедлила успокоить желающихъ

посѣщать храмъ Божій и въ двѣ недѣли устроила въ Славянскомъ домѣ церковь во имя св. Пантелеймона, и говорила, что она сдѣлала это въ память Танинаго тамъ пребыванія.

Въ то время и въ Св. Горахъ готовились всѣ къ освященію собора, которое должно было быть 15-го августа, въ день хромоваго праздника. Ждали преосвященнаго Макарія (впослѣдствіи митрополитъ московскій) и всѣхъ властей изъ Харькова.

Пріѣздъ архіепископа для освященія храма—это великое событіе въ селѣ, а также и для монастыря. Народъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень стекается массами, ожидая получить благословеніе отъ преосвященнаго и послушать его службу. Такъ и тогда все населеніе ожидало пріѣзда преосвященнаго Макарія, для освященія Святогорскаго собора. Всѣ взоры и мысли были обращены на дорогу, откуда долженъ былъ ѣхать владыко.

Бабушка выслала за нимъ свой четверикъ бѣлыхъ лошадей, и какъ только увидѣли его, съ колокольни возвѣстили пріѣздъ преосвященнаго звономъ въ колокола; народъ заколыхался и оживился; мы всѣ стояли на балконѣ, откуда смотрѣли на эту торжественную картину.

Когда коляска преосвященнаго повернула по дорогѣ къ дому, мы пошли за бабушкой, которая шла къ подъѣзду встрѣчать преосвященнаго.

Вышедши изъ экипажа, преосвященный спѣшилъ на встрѣчу бабушкѣ: она стояла наверху площадки, ожидая получить его благословеніе; мы всѣ также подходили за благословеніемъ и цѣловали благословляющую руку. Преосвященный Макарій былъ высокаго роста, очень благообразный и ко всѣмъ почти обращался съ добрымъ, радушнымъ словомъ. Онъ отличался изысканными манерами, умомъ, тактомъ и знаніемъ какъ вести себя съ свѣтскими, такъ и съ духовными лицами, однимъ словомъ, Макарій былъ монахъ, образованный, ученый и воспитанный.

Наканунѣ Успенія была торжественная всеношная, которую служилъ архіепископъ, а въ день Успенія совершилось и освященіе храма. При Святогорской обители есть скитъ, въ который народъ и постороннія лица допускаются только одинъ разъ въ годъ, а именно на другой день Успенія; тогда Донецъ наполняется многочисленными лодками, которыя перевозятъ богомольцевъ въ скитъ. Первая лодка, которая отчалила, была лодка архимандрита, ѣхавшая съ хоругвями и причтомъ, за ней шла лодка бабушки Потемкиной, въ которую былъ приглашенъ архіепископъ и всѣ гости, а также три мои бабушки сидѣли въ ней, всѣ молодые размѣстились въ той же лодкѣ; за нами уже плыли остальныя, наполненныя народомъ; зрѣлище было великолѣпное и торжественное. По берегу народъ шелъ массами. Къ Успенію въ Святыя

Горы стекалось около 14 тысячъ человѣкъ. Кто пріѣзжалъ помолиться, а кто на ярмарку, которая расположена была по ту сторону Донца.

Недолго оставалось мнѣ насладиться жизнью въ Св. Горахъ при дорогой бабушкѣ: подходило время къ нашему отъѣзду. Всѣ гости и родные разъѣхались, оставали мы однѣ. Таня кончила свои ванны. Наступилъ уже сентябрь.

XIX.

Возвращеніе въ Огарево.—Препятствія къ поѣздкѣ въ Петербургъ.—Письма Т. Б. Потемкиной. — Отъѣздъ въ Петербургъ. — Необыкновенная доброта бабушки.—Характеристика А. М. Потемкина.—Болѣзнь сестры.

Возвратившись въ Огарево, мы опять зажили тихою семейною жизнью. Съ наступленіемъ зимы мама́ думала отправить меня въ Петербургъ, но въ октябрѣ было получено письмо [1]) Т. Б. Потемкиной, въ которомъ она между прочимъ писала:

«Я бы очень желала пріѣзда Лели сюда на эту зиму; но, къ сожалѣнію, я сама должна лишить ее и насъ этого удовольствія—пребыванія съ нами. Жоржъ проводитъ здѣсь всю зиму, съ «своей несчастной свитой»; и дѣтямъ нельзя быть въ «этой атмосферѣ». Поэтому, не жду Лелю сюда, а приглашаю ее провести съ нами лѣто въ Крыму или въ «Святыхъ Горахъ». Леля любитъ свѣтъ, особенно театръ; она могла бы тамъ встрѣтить своего отца «съ его свитой» и это было бы крайне неприлично. И потому, совѣтую вамъ имѣть эту зиму вашихъ дѣтей при себѣ, а на лѣто прислать намъ Лелю и Соню, чтобы намъ ужъ ихъ всѣхъ знать. Я очень огорчена, что здоровье Тани не поправилось и что она болѣла дорогой. Она очень милая и я ее очень люблю».

Письмо это крайне огорчило и обидѣло меня. Почему дочери нельзя находиться въ томъ же городѣ, гдѣ ея отецъ? До его интимной жизни кому какое дѣло! И я рѣшилась во что бы то ни стало ѣхать въ Петербургъ. Мама́ раздѣляла мое мнѣніе и у насъ завязалась переписка съ бабушкой Татьяной Борисовной. Послѣдняя, 5-го декабря 1868 г., отвѣчала:

«Вчера вечеромъ получила я ваше послѣднее письмо; оно такое печальное и такъ меня огорчило! Если моя милая Леля будетъ довольна своей прежней маленькой комнаткой наверху, то пусть пріѣзжаетъ! Я желаю ее видѣть больше, чѣмъ она меня! M-me Герцъ на мѣстѣ, но у

---

[1]) Отъ 9-го октября 1868 г.

меня есть другая особа, очень добрая, которую я привезла изъ Москвы; она помѣщается въ комнатѣ, гдѣ жила горничная Лели; а m-me Герцъ, во время вашего отсутствія, помѣщалась въ комнатѣ Лели, эта комната будетъ свободна 10-го декабря; въ тотъ день m-me Герцъ уѣдетъ. Не предавайтесь, дорогая моя, такъ сильно вашему горю, я его вполнѣ раздѣляю и надѣюсь, что ваша вѣра утѣшитъ его и приблизитъ васъ къ Богу, переносите ваше горе изъ любви къ Нему. Я болѣе жалѣю тѣхъ, у кого совѣсть обременена, а у васъ она чиста; у васъ та благая часть, что вы невинны и умѣете прощать. Господь пребываетъ съ вами и вамъ утѣшительно прибѣгать къ Нему. Благодарю васъ, что вы снова отпускаете свою дочь ко мнѣ; я съ радостью ее приму; пусть она пріѣдетъ съ братомъ.

«Теперь я занята тѣмъ, что готовлю ей (то-есть: оставляю послѣ себя) маленькую память; я всегда желала отдать ей Макатику и домъ въ Славянскѣ; но такъ какъ все это принадлежитъ моему мужу, то я ничего не могу сдѣлать безъ его согласія. И, по этому случаю, я ему оставлю, послѣ моей смерти, листикъ бумаги, гдѣ будетъ написана моя послѣдняя воля, и я надѣюсь, что онъ, изъ любви ко мнѣ, согласится на это.

«Послѣ моей смерти, вы можете ему показать это письмо, написанное сегодня, 5-го декабря 1868 года. Довѣряя вамъ эту маленькую тайну, вы ее откроете послѣ моему мужу; но не говорите объ этомъ никому, чтобы ничто не помѣшало моему желанію, ибо мое письмо дѣлается какъ бы маленькимъ документомъ въ вашихъ рукахъ! А если мой мужъ не согласится отдать Макатику, то мы наградимъ ее чѣмъ-нибудь другимъ».

Я отправилась въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ. Въ вокзалѣ Николаевской жлѣзной дороги меня встрѣтилъ отецъ, посадилъ въ карету, и я съ Дуняшей покатили въ Милліонную. Бабушка встрѣтила меня такъ-же радушно и ласково, какъ и прежде.

Войдя въ свои комнатки, мнѣ такъ грустно было не найти въ нихъ моего друга, m-me Герцъ, которая только что уѣхала изъ Петербурга. Въ ту минуту, когда я думала объ m-me Герцъ, оглядывая всю знакомую мнѣ обстановку своихъ миніатюрныхъ комнатъ, вошла ко мнѣ моя новая сожительница, о которой писала бабушка. По наружности она была совершенный контрастъ съ m-me Герцъ, и съ перваго взгляда можно было также сказать, что въ ней отсутствовали сентиментальность, застѣнчивость, несмѣлость, доходившая у m-me Герцъ до какой-то безпомощности. Она, наоборотъ, была смѣлая, живая, повидимому, умѣвшая за себя постоять, когда нужно, и энергичная; доброта и въ ней была сразу видна, и я тутъ же подумала, что мы будемъ друзьями и что поймемъ другъ друга. Профессія ея была—живопись. Она пріѣхала

въ Петербургъ сдавать экзаменъ въ Академіи художествъ, а такъ какъ, обладая небольшими средствами, ей было трудно на нихъ жить для этой цѣли въ Петербургѣ, то Татьяна Борисовна пріютила ее у себя, о чемъ Ю. А. Ш—ва съ глубокой и искренней признательностью разсказывала мнѣ и при этомъ на лицѣ ея отражалась горячая любовь къ бабушкѣ. Ну, когда я увидѣла это,—мое сердце сразу почувствовало и къ ней расположеніе.

Бабушка Татьяна Борисовна, узнавъ, что Таня все болѣетъ, немедленно написала матери моей, прося прислать ее для совѣта съ хорошимъ петербургскимъ докторомъ; я, конечно, была въ восторгѣ, что сестра пріѣдетъ, но кругомъ меня я чувствовала неудовольствіе нѣкоторыхъ, при этомъ извѣстіи, и вопросъ: «куда же помѣститъ Татьяна Борисовна Ю. А. Ш—ву» интересовалъ всѣхъ. Несомнѣнно я не могла равнодушно отнестись къ возбудившемуся неудовольствію, по случаю пріѣзда моей сестры, и къ тому, что Ю. А. останется безъ комнаты. Но послѣдній вопросъ добрая бабушка скоро разрѣшила, а отъ перваго—не разъ приходилось мнѣ уходить въ свои комнатки плакать...

Правда, что домъ Потемкиныхъ былъ «полонъ, какъ яйцо»—это слова бабушки, когда я въ первый разъ пріѣхала къ ней, она сказала: «ma maison est remplie comme un oeuf», но доброта ея непомѣрная всегда находила способъ пріютить у себя и успокоить. Ю. А. Ш—ва пришла ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ и сказала: «Татьяна Борисовна нашла для меня уголокъ: я буду помѣщаться около ея спальни, въ ея уборной!» Это извѣстіе меня также обрадовало, но опять кругомъ насъ слышались порицанія желанію бабушки помѣстить Ю. А. рядомъ съ собой; нѣкоторыя смѣялись, нѣкоторыя ворчали, а нѣкоторыя, какъ и мы, находили, что отлично придумала Татьяна Борисовна. Тѣ, которыя смѣялись, вспоминали слѣдующій случай. Пріѣхала, однажды, въ Петербургъ какая-то игуменья по дѣламъ своей обители, позабыла-ли она, потеряла-ли свой видъ, не помню, у нея его не было; полиція стала требовать его. Что было дѣлать ей? возвращаться обратно—было накладно, ожидать, пока выправятъ ей его—долго, и она отправилась прямо къ Татьянѣ Борисовнѣ, объявила ей въ чемъ дѣло, и Татьяна Борисовна, войдя въ ея положеніе, предложила ей ту же комнатку, въ которую помѣщала теперь Ю. А. Ш—ву, другой не было.

Игуменья съ радостью приняла предложеніе и осталась. Привыкшая къ скромной монастырской пищѣ, къ другому, можетъ быть, маслу, она, не сообразивъ этого, кушала все, что предлагали; но не сразу почувствовала она себя дурно. Пришелъ вечеръ; распростилась она со всѣми, и Татьяна Борисовна повела ее потихоньку въ приготовленную рядомъ со спальной комнату и сказала: «Предупреждаю васъ, матушка, что мужъ мой не знаетъ о томъ, что я помѣщаю васъ здѣсь, но другого

помѣщенія у меня нѣтъ, а поэтому прошу васъ не выдавайте себя и меня; теперь вы можете затворить дверь, но мой мужъ имѣетъ привычку всегда, войдя въ спальню, отворить дверь въ уборную. Не безпокойтесь! сказала она, увидя испугъ игуменьи, туда онъ не входитъ и не войдетъ, только лежите смирно, чтобы не обратить его вниманія». Всѣ разошлись; игуменья исполнила все, что бабушка ей сказала и спокойно улеглась. Александръ Михайловичъ пришелъ въ обычный свой часъ, по привычкѣ отворилъ въ уборную дверь, помолился Богу вмѣстѣ съ бабушкой (они всегда передъ сномъ молились вмѣстѣ) и легъ спать; не успѣлъ онъ заснуть, какъ вдругъ услышалъ какіе-то возгласы и шумъ въ уборной; у игуменьи сдѣлался кошмаръ отъ непривычной и обильной пищи, тогда Александръ Михайловичъ въ испугѣ и удивленіи спрашиваетъ бабушку: «Tatiane! qu'est-ce que c'est?» и при этомъ хочетъ встать и посмотрѣть, что это за шумъ. Татьяна Борисовна въ страхѣ, что тайна ея открывается и что это разсердитъ мужа, не пускаетъ его; онъ настаиваетъ идти посмотрѣть, что шумитъ въ уборной, тогда Татьяна Борисовна, боясь что онъ увидитъ и сконфузитъ бѣдную игуменью своимъ появленіемъ, рѣшается сказать ему истину: «Mais c'est l'abaisse, cher ange, que j'ai placé dans ma chambre, car je n'avais pas d'autre»[1]). Какъ варомъ его обдало признаніе жены, и онъ притихъ, конечно, недовольный имѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ лицо постороннее и совсѣмъ даже ему незнакомое; но можно-ли было долго сердиться на поступокъ, который сдѣланъ былъ отъ добраго сердца? и Александръ Михайловичъ смирился, не сказавъ ни слова и, измѣняя своей привычкѣ видѣть отворенную дверь въ уборную, пошелъ потихоньку затворить плотнѣе, и засыпая, вѣроятно думалъ о любвеобильномъ сердцѣ своего ангела-жены.

На другой день весь Петербургъ зналъ о происшествіи съ игуменьей въ домѣ Татьяны Борисовны и дошла эта новость до императора Николая Павловича, который хохоталъ до истерики, слушая разсказъ, и долго спустя дразнилъ бабушку, напоминая объ игуменьѣ, и заливался громкимъ смѣхомъ, говоря: «Ну, что, Татьяна Борисовна, какъ поживаетъ ваша игуменья? Не была-ли еще у васъ въ гостяхъ?»

Разсказывали еще слѣдующій случай.

Одна изъ дамъ петербургскаго большого свѣта возымѣла желаніе приблизиться къ императрицѣ, и для этой цѣли притворилась обожающею бабушку Потемкину и не покидала ее почти ни на минуту. Она сдѣлалась необходимымъ для Татьяны Борисовны существомъ, сопровождавшимъ ее всюду, конечно также и во дворецъ. Обладая умомъ,

---

[1]) Но это монахиня, мой ангелъ, которую я помѣстила въ своей комнатѣ, потому что другой не имѣю.

красивой наружностью, необыкновенно живымъ характеромъ, она всѣмъ нравилась, и государыня ее полюбила. Между прочимъ она была страшная шалунья и любила шутить, устраивая разныя проказы, такъ напримѣръ: когда у Татьяны Борисовны бывали духовныя лица, она съ ними вела разговоры, совершенно неподобающіе ихъ сану и положенію, и ставила въ тупикъ, смущала ихъ, а Татьяну Борисовну удивляла безпокоила и сердила. Послѣ подобнаго разговора съ однимъ архіереемъ, Татьяна Борисовна, сдѣлала ей замѣчаніе, но это не подѣйствовало на шалунью, и она продолжала тоже самое; тогда бабушка отдала приказаніе швейцару, чтобы г-жу М. не принимать, когда у нея будетъ кто либо изъ духовныхъ лицъ. Что же сдѣлала г-жа М., получивъ подобный отказъ? Узнавъ заранѣе, когда ожидали пріѣхавшаго изъ провинціи архіерея, который ее не зналъ, она достала себѣ монашеское одѣяніе, надѣла его и пріѣхала въ домъ Потемкиныхъ; швейцаръ ее не узналъ и, такъ какъ монахини входили безъ доклада, онъ пропустилъ и ее. Войдя въ кабинетъ бабушки, гдѣ сидѣлъ архіерей, бесѣдуя съ хозяйкой, она подошла подъ его благословеніе, отрапортовала изъ какого монастыря, по какимъ дѣламъ монастырскимъ пріѣхала въ Петербургъ и затѣмъ, обернувшись къ бабушкѣ, низко поклонилась ей... Изумленіе и ужасъ выразились на лицѣ бабушки, когда она узнала въ монахинѣ г-жу М.; слова же замерли на устахъ, такъ какъ невозможно было выдать шалунью и поставить себя и духовное лицо въ неловкое положеніе. Слушая болтовню мнимой монашенки, бабушка сидѣла недовольная, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда архіерей уѣдетъ, чтобы пожурить г-жу М.

Александръ Михайловичъ Потемкинъ былъ страшный педантъ и можно сказать человѣкъ привычки; у него весь день былъ разсчитанъ не только по часамъ, но даже по минутамъ, такъ напримѣръ: если время приходило кончить чтеніе онъ даже и до точки не дочитывалъ и закрывалъ книгу; поэтому онъ страшно не любилъ людей, мѣшающихъ ему или заставляющихъ его мѣнять, хотя въ чемъ-нибудь, его обыденную жизнь, и вотъ г-жа М. была изъ тѣхъ, которая врывалась въ домъ не въ урочные часы и засиживалась по вечерамъ у бабушки. Это мѣшало бѣдному старику приходить спать и молиться Богу въ назначенный часъ, такъ какъ г-жа М. не уѣзжала прежде, чѣмъ бабушка не раздѣнется; и вотъ вслѣдствіе этого она была, какъ говорятъ французы: «La bête noire d'Alexandre Mikaylovitch». Но послѣ такой любви и ухаживанья за бабушкой, достигнувъ своей цѣли и приблизясь къ государынѣ, она покинула окончательно любимую свою Татьяну Борисовну и даже почти перестала бывать въ домѣ Потемкиныхъ на радость и удовольствіе хозяина.

Не знаю, насколько это правда, и поэтому не выдаю за истину, но говорили мнѣ, что у Александра Михайловича Потемкина были часы

въ недѣлѣ, когда онъ никому не отказывалъ, если у него просили денегъ, и будто бы одинъ изъ его племянниковъ, узнавъ объ этомъ, выпросилъ у него чуть не сто тысячъ для покрытія долговъ.

Александръ Михайловичъ былъ очень хорошій человѣкъ и можно даже назвать его праведнымъ, но между тѣмъ онъ все хорошее, доброе дѣлалъ изъ принципа, тогда же какъ Татьяна Борисовна дѣлала добро отъ потребности своей души и отъ горячей любви къ ближнему, которую она сѣяла по своему жизненному пути. Поэтому-то всѣ ее знали, всѣ ее любили, всѣ стремились къ ней, а Александръ Михайловичъ стушевывался передъ женой, несмотря на свои достоинства и несмотря на то, что онъ былъ хозяинъ, и безъ него, безъ его разрѣшенія, ничего не дѣлалось.

Думы мои передъ пріѣздомъ сестры были то радостныя, то грустныя: — я продолжала чувствовать, что пріѣздъ ея считался лишнимъ, неумѣстнымъ, хотя она какъ близкая родственница хозяйки имѣла болѣе правъ, чѣмъ многіе другіе на гостепріимство и любовь Татьяны Борисовны Потемкиной.

Когда сестра пріѣхала, когда обнимала и цѣловала ее, я забыла все, что было у меня горькаго на душѣ передъ ея пріѣздомъ, и наслаждалась одной только мыслью, что я буду жить съ сестрой и не буду уже чувствовать себя иногда одинокой среди этой шумной и холодной толпы.

Недолго пришлось мнѣ наслаждаться обществомъ сестры. Вскорѣ послѣ ея пріѣзда она простудилась и заболѣла пятнистымъ тифомъ.

XX.

Послѣдніе дни бабушки Т. Б. Потемкиной. — Ея болѣзнь.—Отъѣздъ за границу и кончина.

Приближалось то время, когда всѣ петербуржцы направляютъ свои думы и мысли, какъ бы скорѣй и куда-нибудь уѣхать изъ столицы на отдыхъ. Такъ и въ домѣ Потемкиныхъ шли разговоры объ отъѣздахъ: сестру мою доктора отправляли за границу; отецъ мой былъ уже наканунѣ поѣздки въ Карлсбадъ; онъ чувствовалъ себя очень не хорошо и предвидѣлъ, что не долго будетъ жить.

Бабушка Т. Б. Потемкина стремилась, конечно, въ Св. Горы и желала, чтобы я ѣхала съ ней; но прежде собиралась она съ мужемъ въ Гостилицы на мѣсяцъ, куда весь домъ, со всѣмъ штатомъ перебирался на все лѣто. Мнѣ же предстояло выбирать изъ многаго: ѣхать съ се-

строй за границу, ѣхать въ Святыя Горы и Гостилицы, или ѣхать къ матери въ Огарево. Когда такъ много выбора, то не знаешь на чемъ остановиться, и я все раздумывала. Таня тянула меня съ собой, и я начала склоняться на поѣздку съ сестрой за границу; а когда я сказала бабушкѣ, что думаю сопровождать сестру, она даже, дорогая моя, разсердилась на меня и сказала:

— А я хочу, чтобы ты осталась со мной и ѣхала бы въ Святыя Горы. Тебѣ, конечно, всѣ будутъ совѣтывать ѣхать за границу, потому что не желаютъ, чтобы ты была со мной, и сестра моя Софья въ томъ числѣ. Но я тебѣ повторяю, не обращай на это вниманія и оставайся со мной и знай, что я хозяйка!

Всѣ эти слова бабушки меня страшно поразили! Я въ первый разъ слышала отъ нея открытый протестъ противъ всѣхъ и какъ бы раздраженіе на всѣхъ. Что это значило—я тогда не понимала. За завтракомъ кто-то спросилъ у меня, куда я ѣду на лѣто, и я отвѣтила, что, вѣроятно, въ Святыя Горы.

— Пожалуйста, не воображай,—сказала ея сестра, — что Татьяна поѣдетъ въ Св. Горы, да вамъ тамъ и дѣлать нечего! и все это лишніе расходы, за что Александръ Михайловичъ сердится, да и безъ васъ тамъ будетъ много, и мѣста не будетъ.

— Ахъ! Sophie, что тебѣ за дѣло?—Я желаю, чтобы онѣ ѣхали.

— Да и ты не посмѣешь ѣхать!—отвѣчала сестра,—какъ тебѣ не стыдно оставлять больного мужа?—Ты его совсѣмъ не жалѣешь!

Уговоры родственниковъ и совѣты докторовъ убѣдили Татьяну Борисовну, что ей необходимо ѣхать за границу.

Передъ отъѣздомъ въ Гостилицы, во время послѣдней обѣдни въ домѣ на Милліонной, бабушка подводила къ святому причастію старшую свою сестру, княгиню Елисавету Борисовну Куракину, которая съ 25-лѣтняго возраста была сумасшедшая.

Бабушка, княгиня Куракина проводила лѣто всегда въ Гостилицахъ, гдѣ для нея былъ отдѣльный домъ, и это передъ отъѣздомъ туда ее пріобщали. Въ молодости она была красавица, талантливая, чудно играла и рисовала; очень была образованная, воспитана была іезуитами. Мнѣ разсказывали, что когда они были высланы изъ Россіи, она изъ любви къ нимъ, желая страдать за нихъ и принести себя въ жертву—сожгла себѣ палецъ на свѣчи — это и былъ первый припадокъ сумасшествія; тогда ей было 25 лѣтъ. А другіе говорили мнѣ, что она помѣшалась отъ ревности, обожая своего мужа, который ей постоянно былъ невѣренъ.

Одинъ изъ князей Куракиныхъ, бывши посланникомъ въ Парижѣ, во время бала въ Тюльери, когда сдѣлался пожаръ, былъ спасенъ благодаря громадному количеству брильянтовъ, которые были на немъ; жулики, ко-

торые очутились во время пожара во дворцѣ, вынесли его какъ драгоцѣнную находку и по мѣрѣ того, какъ они обрывали съ него брильянты, они его подхватывали и несли наружу, спасая его и самихъ себя, и, не теряя времени, набивали свои карманы его брильянтами.

Проводивъ сестру свою за границу съ Катенькой, я стала собираться съ бабушкой въ Гостилицы, бывшее имѣніе графа Разумовскаго.

Дворецъ въ Гостилицахъ строилъ Разстрелли. Чудное это было мѣстопребываніе для лѣта: великолѣпный паркъ, садъ, разнообразные цвѣтники, масса фонтановъ, каскадъ, пруды съ лебедями и чистые свѣтлые ручьи, гдѣ плавали форели — все это представляло изъ себя что-то феерическое! Давно исчезло то время, когда я наслаждалась красотой Гостилицъ, сидя гдѣ-нибудь на лавочкѣ, прислушивалась къ разнообразному плеску и шуму воды фонтановъ и каскада, но все прошлое въ моей памяти такъ живо, что я, припоминая то время, какъ сейчасъ вижу все передъ глазами.

Дорогая бабушка видимо слабѣла и постоянно засыпала. Несмотря на это, отъѣздъ ея за границу былъ неминуемъ и день выѣзда уже былъ назначенъ. Я была такъ разстроена близкой разлукой съ дорогой бабушкой, и закравшееся предчувствіе въ мою душу меня сильно удручало. Пришла разлука. Лошади для меня были поданы; я, вся въ слезахъ, пришла въ спальню дорогой моей незабвенной бабушки, гдѣ она, взявъ изъ кіота маленькій образокъ Владимірской Божьей Матери, благословила меня и сказала:

— Скажи твоей матери, что я хотѣла тебя взять съ собой и мнѣ горько съ тобой разставаться, но... ты видишь, я такъ слаба, что не могу съ ними бороться!.. Господь, да прими тебя, дорогое дитя!

Бабушка также плакала. Послѣднія бабушкины слова, какъ молоткомъ стучали мнѣ и въ сердце и въ голову—она «не можетъ съ ними бороться», она «стала слаба»!—слѣдовательно, она всю жизнь боролась и терпѣла и много ей надо было твердости и энергіи, чтобы идти по тому пути, который ей указывалъ Господь!.. Когда я садилась въ экипажъ, бабушка стояла на ступеняхъ подъѣзда и осѣняла меня крестомъ; я не спускала съ нея глазъ, и сердце говорило мнѣ: смотри, смотри на свою бабушку, ты больше не увидишь ее.

Предчувствія мои оправдались; 29-го іюня 1869 года, бабушка Потемкина, пріѣхавъ въ Берлинъ съ сестрой своей Софьей Борисовной и свитой, по пути къ тѣмъ водамъ, куда послалъ ее профессоръ З., черезъ полторы сутокъ, а именно 1-го іюля, тихо, безболѣзненно и неслышно скончалась или вѣрнѣе уснула...

Александръ Михайловичъ Потемкинъ, какъ истинный христіанинъ, принялъ горе, посланное ему Богомъ, и черезъ два года послѣ горячо-

любимой жены, проживъ съ ней 53 года, умиралъ въ полномъ сознаніи, простившись со всѣми окружающими его, исповѣдуясь громко, при всѣхъ присутствовавшихъ, и сокрушаясь о томъ, что часто мѣшалъ своему ангелу-женѣ дѣлать добро, и пріобщившись Святыхъ Тайнъ, спокойно отошелъ въ вѣчность.

Ни мнѣ, ни матери моей, ни отцу никто не сообщилъ о кончинѣ бабушки, а о подробностяхъ нашего горя я также ни отъ кого не слышала никогда и только изъ письма m-me Герцъ узнала нѣкоторыя подробности; о кончинѣ же мы узнали изъ газетъ 10-го іюля.

...«Настоящая причина смерти г-жи Потемкиной неизвѣстна, писала мнѣ г-жа Герцъ, такъ какъ наша любимая и дорогая покойница довольно спокойно перенесла трудное путешествіе. Въ воскресенье, 29-го іюня, онѣ пріѣхали въ Берлинъ и къ обѣду г-жа Потемкина одѣлась во все бѣлое; она обѣдала, какъ всегда, а вечеромъ у нея былъ какой-то баронъ Сендэнъ, съ которымъ она разговаривала почти два часа. Ночью горничная замѣтила, что г-жа Потемкина спитъ неспокойно. Она сейчасъ же пошла сказать объ этомъ г-жѣ Полторацкой, которая поспѣшила придти къ ней. Мирона (ихъ лакея) сейчасъ же послали за докторомъ; и когда ей хотѣли поставить горчичникъ, который приготовили, докторъ пришелъ и сказалъ, что все кончено. Миронъ мнѣ разсказывалъ всѣ эти подробности и прибавилъ: «она походила на спящаго ангела!» Въ воскресенье, 6-го іюля, привезли тѣло г-жи Потемкиной; въ понедѣльникъ я была на панихидѣ. Какъ грустно теперь въ домѣ, гдѣ прежде намъ было весело! Прислуга вся въ траурѣ; лѣстница, крытая чернымъ, всюду черные ковры, зеркала завѣшены. Когда всходила на лѣстницу, мнѣ встрѣтилась Софья Борисовна; она, вся въ слезахъ, поцѣловала меня. А въ церкви—гробъ дорогой, кроткой и милостивой Татьяны Борисовны, которую всегда будутъ благословлять и оплакивать сердца, умѣвшія понимать и цѣнить ея доброту! Гробъ былъ дубовый, весь украшенный самыми красивыми цвѣтами и вѣнками изъ васильковъ. Великая княгиня Александра Петровна присутствовала на панихидѣ и заупокойной обѣднѣ. Въ первомъ часу служилъ обѣдню митрополитъ петербургскій Исидоръ. Во вторникъ, въ 6 часовъ вечера, тѣло отвезли въ Сергіевскую пустынь. Весь народъ двигался за ней; я не могла тамъ быть, но говорятъ, что провожали какъ святую. Всюду были панихиды, останавливались въ трехъ церквахъ. Въ среду, 9-го іюля, я была на похоронахъ. Многочисленная толпа наполняла церковь; но половины родственниковъ не было, ибо многіе находились въ то время въ отсутствіи. Я ничего не могу вамъ разсказать о похоронахъ; одно только: это было такъ грустно! Я много думала и молилась о васъ, дорогая княжна, я все васъ видѣла передъ собой, понимала вашу тяжелую потерю и глубокое горе! Мало такихъ людей, какъ она, на свѣтѣ;

она была единственная въ своемъ родѣ; для меня было великимъ утѣшеніемъ, что я ее знала. Какъ сказалъ про нее генералъ Баранцевъ: «единственно, въ чемъ можно упрекнуть ее, это, что она была слишкомъ добра!» И это истинная правда, ибо она не понимала ни зла, ни интригъ другихъ людей. Это ваше первое великое горе! Для меня было бы очень пріятно узнать, какъ вы переносите этотъ крестъ, посланный вамъ Богомъ. Прошу васъ, дорогая княжна, сообщите мнѣ, что вы думаете дѣлать, и любите всегда ту, которая васъ такъ любитъ».

...«Гласъ народа—гласъ Божій! писалъ мой отецъ въ своихъ запискахъ. Въ чемъ же выразился этотъ гласъ народа?

«8-го іюля нынѣшняго 1869 года, въ день выноса тѣла покойной Татьяны Борисовны, отъ дома Потемкиныхъ, въ Большой Милліонной, по Невскому проспекту и такъ далѣе до заставы сплошная масса народа стѣной стояла въ благоговѣйномъ молчаніи, встрѣчая печальную процессію, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и шопотомъ произнося: «Царство ей небесное!»

«Что же могло вызвать эту толпу и заставить провожать тѣло покойной?

«Татьяна Борисовна ужъ не существовала; слѣдовательно нельзя было ожидать отъ нея былыхъ милостей или постояннаго ея заступничества.

«Не была она такою офиціальной личностью, которая вызывала бы обязанность для многихъ участвовать въ печальной процессіи и тѣмъ самымъ, привлекая праздную толпу—смотрѣть на погребальную помпу, какъ на зрѣлище. Ни того, ни другого не было. Это было простое, теплое, задушевное, безкорыстное выраженіе любви къ покойницѣ за ея высокія добродѣтели.

«Высшей награды на этомъ свѣтѣ быть не можетъ!»

